

Максим Горький

**О белоэмигрантской
литературе**



Максим Горький

О белоэмигрантской литературе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2358855

Аннотация

«И объективный тон и обоснованность суждений Д. А. Горбова лишает эмигрантов-литераторов возможности сказать, что несправедлива оценка, данная Горбовым их трудам во славу любимого ими русского народа...»

Максим Горький

О белоэмигрантской литературе

Послесловие к книге Д. Горбова

И объективный тон и обоснованность суждений Д. А. Горбова лишает эмигрантов-литераторов возможности сказать, что несправедлива оценка, данная Горбовым их трудам во славу любимого ими русского народа.

Но если они ознакомятся с очерком Горбова, он, конечно, взбесит старых гуманистов, любителей народа, справедливости, истины, красоты, сотрудников «Освага», вдохновителей, сподвижников, а затем покорных слуг «интервентов» и русских генералов, которые, четыре года усердно разрушая хозяйство России, поливали её кровью народа, излюбленного гуманистами. Жестокость, с которой русские генералы делали это, является – на мой взгляд – неизмеримо большей, чем жестокость иностранных интервентов, посланных обезумевшими от взаимной драки правительствами европейских капиталистов для укрощения «безумства большевиков», а точнее говоря – для того, чтоб починить раны своей шкуры кожей, содранной с русского народа. Как известно, неблаговоспитанный и некультурный народ этот признал такую опе-

рацию излишней для себя, почувствовал в «безумстве большевиков» здоровый разум, выгнал из своей страны всех врагов и ныне успешно создаёт свою, действительную культуру. Эмигранты не хотят верить в это.

– Ничего не создаёт, а – погибает! – весьма единодушно говорят они. Кто это говорит?

Дмитрий Мережковский – известный боголюбец христианского толка, маленький человечек, литературная деятельность которого очень напоминает работу пишущей машинки: шрифт читается легко, но – бездушен и читать его скучно. Россию Мережковский именует «псицей», то есть сукой. В 1902 году он писал старику А. С. Суворину, выпрашивая у него денег на издание журнала: «Прибегаю к Вам, как Никодим ко Христу». Он знал, конечно, что редактор-издатель «Нового времени» ни внешне, ни внутренне не похож на Христа. А когда Суворин помер, он сопровождал умершего посильной хулою, это повело к тому, что «Новое время» опубликовало скверненькое письмишко Мережковского, а Виктор Буренин напечатал четверостишие:

На всё спокойно мы глядим,
Однако – подивимся чуду:
Се – Мережковский-Никодим
Преобразился вдруг в Иуду!

Тот же Мережковский в 15 или 16 году напечатал в «Русском слове» статейку «Не святая Русь» и в конце статейки

сболтнул: «Мы не с Толстым, мы с Горьким». Сболтнул он это из страха пред революцией, он вообще человек крайне трусливый. «Мы» – очевидно, «партия» Мережковских – небольшая партия, человек пять-шесть.

Зинаида Гиппиус – христианка, человек замечательно талантливый и столь же замечательно злой. В 1901 году она в концертном зале Петербургского кредитного общества, выйдя на эстраду в белом платье, с крыльями за спиной, объявила публике:

Я хочу того, чего нет на свете,
Чего нет на свете.

Через 20 лет ей захотелось «повесить» большевиков «в молчании», то есть того, чего хотят все негодяи мира нашего. Так и написала:

Повесим их в молчании.

Как странно меняются вкусы!

Третьим в партии – Д. Философов, христианин, сын одной из замечательных русских женщин, друг профессионального террориста – то есть убийцы – Бориса Савинкова и горячий защитник Каверды, убийцы П. Л. Войкова. Четвёртый – Антон Карташев, христианин, профессор богословия. В прошлом году в одном из собраний парижских эмигрантов он истерически кричал, приглашая публику бить, резать, уни-

что жать большевиков. В том же прошлом году чехословацкое правительство, по сообщению «Последних новостей», объявило, что ему необходим палач. Эту почтенную должность пожелало занять семнадцать кандидатов, один из них – профессор богословия. Не знаю, Карташев ли это, но считаю возможным – он.

Достойным кандидатом в палачи я считаю господина Мельгунова, христианина, человека с холодненькими глазами и автора очень лживой книги «Красный террор».

В предисловии к этой книге он сам заявил, что не может «взять ответственности за каждый факт, мною приводимый», но факты привёл. Он знает, что «белый террор всегда был ужаснее красного», но обличает не белый, а красный. Знает, что «реставрация несла за собой всегда больше жертв, чем революция», но жаждет реставрации. Нет, какие странные вкусы у этих христиан, духовных вождей эмиграции!

Рядом с ними нужно поставить знаменитого черносотенца Маркова, тоже, конечно, христианина, человека с дубовой головой и замечательно невежественного. Если не ошибаюсь – это сын или племянник Евгения Маркова, автора романов «Чернозёмные поля», «Курские порубежники» и хорошей автобиографической книжки «Барчуки». Марков Второй, очевидно, явлен в мир как неоспоримое доказательство интеллектуального вырождения помещного дворянства.

Людей такого густопсового типа в эмиграции немало, и с ними постепенно сливается Пётр Струве, тоже зна-

менитость, «бывший» человек, которого когда-то называли «Иоанном Крестителем всех наших возрождений». Он был трубадуром развития русской промышленности. Недавно один из деятелей этой промышленности Гукасов похотейски грубо выгнал его из своей газеты, хотя Струве служил хозяину своему честно и усердно. За Струве следует П. Н. Милюков, профессор, историк культуры, один из организаторов «Комиссии по руководству домашним чтением», в прошлом неутомимый просветитель русского общества, «конституционалист-демократ», затем министр и вообще великий грешник. Ныне он организовал «Республиканское демократическое объединение» и в номере 2302 своей газеты 12/VII 1927 года печатает:

«Не требуется, чтобы демос обладал знаниями, необходимыми для того, чтоб разбираться в сложных вопросах законодательства, или был знаком с техникой управления.»

«Не требуется» – напечатано курсивом и, очевидно, для успокоения «объединяемой негодницы». И, должно быть, ей же, негоднице, в угоду он помещает в газете своей множество рассказов о сенсационных убийствах, а также пошлейшие «детективные» романы, которым, конечно, не нашлось бы места в «Речи». Так закончил карьеру свою «просветитель».

Далее А. Ф. Керенский – «Александр Четвёртый». Последний раз я видел этого человека в Зимнем дворце, ка-

жется, в комнате Александра Второго. Помню – он вызвал у меня впечатление юноши в квартире кокотки: юноша только что принёс девственность свою в жертву природе, но уже чувствует себя опытным и удалым распутником. Теперь он пишет однообразно истерическим стилем передовые статьи, проклиная людей, которые не позволили ему усидеть на облюбленном месте. Не знаю, помогает ли теперь, но раньше ему помогал в этом занятии Виктор Чернов, человек, сделанный из одних цитат, причем не очень искусно. Он тоже обижен, ему тоже не дали посидеть на хорошем месте. В жизни его были два чрезвычайно удобных момента, которые открывали перед ним возможность уйти от политики и заняться каким-нибудь другим делом, более посильным для него, – например, открыть небольшую торговлю дешёвыми шляпами. Первый момент – разоблачение его друга и провокатора Азефа, второй – изгнание из Учредительного собрания. Но он почему-то пропустил оба и всё ещё кем-то политически руководит, всё ещё «вождь».

Затем следует назвать Далиных, Талиных, Данов и ещё десятка два бывших людей и бывших социалистов, которых в своё время В. И. Ленин беспощадно трепал за уши. Вся перечисленная публика мучительно надоела друг другу, вся духовно обнищала, изъедена мелкой злостью. Год за годом, изо дня в день она упражняется в хуле и поношении большевиков, делая это уже далеко не так умело и даровито, как когда-то критиковала самодержавный строй, бюрократизм и

ужасы русской жизни.

Всю её тайно и явно объединяет только одно желание: чтоб исчезли большевики, а русский рабочий народ поклонился им, «страдающим между собою» за него, – поклонился и попросил:

«Придите княжить и владеть нами».

Напрасное ожидание – не поклонится, не попросит!

Я перечислил этих людей для того, чтоб дать читателю представление, в какой атмосфере живёт, какими людьми воспитывается эмигрантская молодёжь и литераторы-эмигранты.

Следует упомянуть, что «блюстителем благочиния» в литературе эмигрантов служит критик-эстет Юлий Айхенвальд, работающий в газетке «Руль», кажется, самой злой и наиболее бесцеремонно лживой газете «фашистского умонастроения». Айхенвальд поддерживает дух старых литераторов, то есть надувает их, уверяя, что они всё ещё зреют и цветут. Делает он это паточным языком, который напоминает довольно тщательный, но совершенно бездушный перевод с иностранного. Впрочем, иногда он вставляет в однотонную, тусклую речь свою два-три ругательства по адресу большевиков, но это не оживляет мёртвеньких слов. Он хвалит литераторов, пасомых им, за такие «образы», как, например, «голосистый гвоздочек» и «Реомюр, с улыбкой играющий на повышение» и прочие штучки в этом духе: он внимательно следит за «направлением» литераторов. Недавно он прочи-

тал в романе М. А. Осоргина «Сивцев Вражек» умные и верные слова:

«Бездарен был бы народ, который в момент решения векового спора не сделал бы опыта полного сокрушения старых и ненавистных идолов, полного пересоздания быта, идеологий, экономических отношений и всего социального уклада. Я презирал бы народ, если бы он не сделал того, что сделал, – остановился бы на полпути и позволил учёным болтунам остричь Россию под английскую гребёнку: парламент, вежливая полиция, причёсанная ложь.»

Критик-эстет тотчас же предупредил автора, что «здесь для многих читателей „Сивцев Вражек“ образует непроходимый ров»:

«Может быть, не так ещё непроходим он в этом месте, где в своём стремлении к балансу автор не хочет видеть разницы между прошлым девизом, придуманным для солдат: „за веру, царя и отечество“, и новым девизом, придуманным для красных солдат: „за социализм и Советскую власть“, – слова – одинаково „непонятные и ненужные“».

«Не вражек, не овраг, но ров», – пишет он и этим «но ров» ещё раз утверждает моё мнение о плохом его знакомстве с духом русского языка. Он тоже гуманист, христианин, но, работая в человеконенавистнической газетке, не протестует, когда в ней печатаются негодяями «выражения горячего сочувствия горю» матери убийцы П. Л. Войкова и «преклоне-

ния пред чистой совестью и благородством» её сына.

Так смердят все эти Лазари, которых уже не воскресит Христос, хотя они и притворяются верующими в его силу воскрешать мёртвых.

Шесть лет я читаю прессу эмигрантов. Сначала читал, спрашивая себя с недоумением – наивным:

Неужели эти разнообразно бездарные публицисты – те самые русские интеллигенты, которые учились и учили «меньшого брата» чувству «священной ненависти» к жизни, от корней до вершины отравленной лицемерием, злобой, ложью? Неужели это они восхищались работой таких разрушителей лжи, как мрачный Свифт, безжалостно глумливый Вольтер, чудовищно огромный Лев Толстой? Они учили детей своих любить изумительно выдуманный образ святого рыцаря из Ламанча?

Героями юности их были Спартак, Фра Дольчино, Уот Тайлер, Томас Мюнцер, Ян Гус и все те люди, которые пытались из крови и плоти своей создать свободу, никогда не жившую на земле, но совершенно необходимую людям.

Любимыми песнями их молодости были песни разбойников, романтические песни протеста, баллады о Разине, гневные стихи Некрасова; казалось, что истинной религией их был «социальный романтизм».

Ныне всё это больше не звучит, онемели души. Очевидно, «материалисты» большевики правы, говоря, что в столкновении с беспощадной действительностью идеология легко

уступает место самой злейшей классовой зоопсихологии.

Нигде условия жизни не подвергались столь резкой и все-сторонней критике, как в среде русской интеллигенции. Нигде не расточалось столько похвал святым и грешным разрушителям жизни – Христу, Байрону, Ницше и всем, кто вносил в жизнь «не мир, но меч». Русская интеллигенция считала и называла сама себя «передовой интеллигенцией Европы», она была максимально революционна по настроению.

Трудно понять – куда, на что так быстро израсходована вся эта сила: тщательно накопленные знания мучений народа, его попытки свергнуть иго тирании, запас ненависти к жизни, искажающей всех людей, жажда справедливости и «любовь к народу», – любовь, в которой интеллигенты объяснялись друг другу устно и печатно, громко, публично и нескромно.

Я никогда не изъяснялся в «любви к народу», я просто знал и знаю, что для русского крестьянина необходимо создать условия, в которых он быстро научился бы жить и работать более разумно, – условия, которые позволили бы ему развить всю силу его талантливости. Но я искренно верил, что есть люди, которые действительно «любят» народ, – обладают каким-то сверхъестественным чувством, которого у меня нет. Когда-нибудь я расскажу, как революционная интеллигенция вытравила из меня эту веру. Но в 17 году всё-таки мне было очень горестно и больно наблюдать, когда обезумевший народ серой лавиной покатился с войны в дерев-

ню и поднялась над землёй его широкая, возмущённая – наконец – рожа, больно было видеть, как эта рожа реализмом и анархизмом своим тотчас спугнула «любовь» интеллигенции, соловья души её. Упорхнул соловей в кусты забвения, а на место его сел чёрный ворон мещанской мудрости.

И сразу вся сила критического отношения к жизни, вся сила беспощадной, истинной и активной революционности оказались в обладании большевиков.

Я не забыл свою позицию в те дни, помню, что, когда В. А. Базаров, тоже большевик, именовал в печати товарищей своих «головотяпами», это не очень обижало меня за них, хотя в их среде было много людей, которых я искренно любил и уважал. Я был уверен, что «народ» сметёт большевиков вместе со всей иной социалистической интеллигенцией, а главное – вместе с организованными рабочими. Тогда единственная сила, способная спасти страну от анархии и европеизировать Россию, погибла бы. Благодаря нечеловеческой энергии Владимира Ленина и его товарищей этого не случилось.

Но случилось, что почти вся «революционная» интеллигенция отказалась от участия в деле революции и даже от культурной работы, ещё более необходимой в дни бурь, чем в «мирное» время, – если таковое вообще существует на земле. А поскольку культурная работа продолжалась, она почти всегда – я хорошо знаю это – принимала характер, враждебный тем людям, которые взяли власть. Я часто видел, что это

– вражда по привычке, по традиции, потому что люди умеют «враждовать» только словесно, а кроме этого – ничему не научились.

Разумеется, я знаю, что всё-таки нашлось немало интеллигентов, которые остались на своих местах, честно, упрямо продолжая свою работу в условиях голода, холода, враждебной подозрительности и бессмысленных издевательств со стороны околоточных и жандармов новой власти – со стороны «меньшего брата», в котором враждебное отношение к интеллигенции воспитывал не один Акимов-Махновец, – как вы знаете, в этом повинны более крупные люди.

Интеллигенты, оставшиеся в России, и по сей день продолжают там свою героическую работу. Это не они пишут в газеты эмигрантов письма «из России», «из Москвы», «из провинции», – письма, которые так неумело и бездарно сочиняются, очевидно, где-то вне пределов России. Я лично знаю, что в некоторых случаях слова «из Москвы» должны бы читаться «из-под Берлина».

Наивное недоумение, которое возбуждала у меня эмигрантская пресса, превратилось за время болезни Ленина в отвращение к ней.

Прожив с лишком полвека на сей земле, я много видел гнусностей и о многих читал. Но я не помню ничего подобного той мерзкой травле, тому бешеному хрюканью, тому потоку лжи и клеветы, который хлынул из среды «культурных» эмигрантов, вызванный болезнью и смертью человека, на-

дорвавшегося в работе для возрождения России, разрушенной глупейшим самодержавием, позорнейшей войной и диким хулиганством бездарнейших генералов, которые «спасали Россию», разрушая города, избивая народ, «любимый» нами.

Бесстыдство, цинизм и лживость прессы эмигрантов вообще не с чем сравнить, разве только с её лицемерием. Я не поклонник литературных приёмов тех публицистов, которые не различают свободу мнения от бесшабашности выражений, и если в этой статье я тоже выражаюсь резко, так это объясняется отнюдь не моим желанием подражать хулиганам эмигрантской прессы, а лишь тем, что я не имею слов более точных для того, чтоб включить в них моё презрение и отвращение.

Совершеннейшее бесстыдство – говорить о «кровожадности» большевиков при жизни устроителей четырёхлетней всемирной бойни народов, при жизни всех тех господ, которые ныне столь усердно душат и режут людей, заботясь «о мире всего мира».

Гнуснейшее лицемерие – кричать только о жестокости красных, умалчивая о тех фактах садической расправы с красными, о которых так хвастливо рассказывают белые в своих мемуарах. Почему бы иногда не перепечатать в своих газетах такой, например, поучительный рассказ Денисова из «Свободных мыслей»:

«У освободителя Кубани, ген. Покровского, зарубившего

в Майкопе (осень 1918 года) две тысячи пленных, с тех пор не взявшего вообще ни одного пленного, – глубокие чёрные глаза, мягкие, пристальные, лучащиеся глаза ребёнка или мечтательной женщины. „Ну, чем вас ещё развлечь, – говорит он лениво, разводя руками. – Посмотрите, разве, мой альбом с камышинскими видами...“ Протягивает розового атласа с уголками альбомчик, объёмистый, удлинённый. На первой странице карточка: небольшой домик с георгиевским флагом командующего на крыше, перед домиком сидит генерал с адъютантами, перед домом висят четверо... На другой странице – на обрывистом берегу Волги качаются двое. У всех на рукавах значки красных офицеров... На третьей странице – площадь, висят штатские. Адъютант объясняет: „Взяли в плен несколько убеждённых. Говорили генералу – так и так, что делать? – попались пленные“. Он отвечает: „Голова! Идейных-то и надо вешать. Не идейного выпорол, дал водки и погнал драться. А с идейным что сделаешь?..“ На четвёртой странице – просто дерево, на нём что-то висит... „Природа требует человека, – мягко улыбается генерал одними глазами. – Я, как Пуссен, не выношу мёртвой природы...“ Все мы смеёмся и идём в соседний вагон ужинать. После шампанского два молодых армянина (балалайка и мандолина) долго играют цыганские романсы и народные песни.»

Таких рассказов много, и я очень рекомендую их вниманию господина Мельгунова, он мог бы сделать из них ещё

одну книгу.

Как странно легко забыты такие, казалось бы, памятные и поучительные акты жестокости, каковы 9 Января в Петербурге, 13-е в Риге, истребление латышей генералом Бекманом и остзейскими баронами, расправы Ренненкампа и Меллер-Закомельского с сибиряками, расправа с грузинами и все прочие кровавые подвиги «усмирителей» 1906–7 годов; еврейские погромы, массовые убийства рабочих на Лене, в Златоусте и – всюду, орловская и другие каторжные тюрьмы, Амурская колёсная дорога и бесчисленное количество других кровавых уроков, данных самодержавной властью русскому народу, и без того склонному к жестокости, как я утверждаю. В утешение народопоклонникам могу сказать, что русский человек и в жестокости исключительно талантлив. В этой форме талантливости я не могу отказать даже и вам, господа, хотя ваша жестокость выражается пока только на словах. Но я думаю, что если бы... много вы пережете людей!

Само собой разумеется, что я не имею желаний оправдывать чью-либо жестокость. Но – надо же признать неоспоримым тот факт, что ни один из народов Европы не обучался в таком страшном университете крови, пыток, циничнейших массовых убийств так наглядно и заботливо, как обучали этому русский народ. Известно, что, начиная с 1905 года, русские матросы испытывали невероятные мучения. Извест-

но, как невыносимо тяжела была жизнь русского солдата и как нещадно, сладострастно пороли мужика. Русский народ стал неприятно для вас красен потому, что его с головы до ног облили его же кровью.

Меня хотят уверить, что всё это зверство прошло бесследно и народ будто бы сохранил какую-то добрую, мягкую, особенную русскую душу, которая не чувствует, не помнит боли, оскорбления, чужда мести и всё прощает.

Но Осоргин прав: ведь эта душа была бы поистине мёртвой душой! На счастье будущей, великолепной России такой души в ней больше нет, если даже и признать, что она когда-то была. Теперь полумёртвый сон её нарушен, она возмущена, возмущается и, постепенно проявляя свою волю к жизни, всё более умнеет, крепнет.

Проявляет она свою волю не ласково, не великодушно, жутковато. Всё-таки это ещё не здоровая душа, она слишком хорошо помнит недавнее, страшное, боится возврата его, она отравлена ядом мести. Согласитесь, что она имеет право ненавидеть и у неё есть за что мстить. И, в сущности, кровавая русская революция была значительно менее кровава, чем следовало ждать. Она была бы ещё менее кровавой, если бы вы, господа, вели себя скромно, более сообразно с вашими талантами и способностями, не путались в авантюры генералов, не вызывали интервенцию. Она развивалась бы спокойней и успешней, если бы вы умели забывать ошибки смело действующих людей, «неудобства», испытанные вами,

и обиды, нанесённые лично вам. Но ни забыть, ни понять вы не способны по малодушию вашему. В сущности, вы – так же тупо мстительны, как и тёмное русское крестьянство, одетое в армяки, свитки, шинели солдат и бушлаты моряков. По крайней мере на словах вы такое же зверьё, но, разумеется, более жалкое.

Мне рассказывали, что после убийства Урицкого один матрос, расстреливая каких-то, быть может, ни в чём не повинных людей, командовал:

«По негодьям – пальба взводом».

После этого он сошёл с ума.

Милостивые государи! Я – не садист; будучи вынужден сказать вам то, что говорю, я не испытываю наслаждения причинять людям боль, – наслаждения, которое чувствуется в каждом слове ваших газет, направленном против России и большевиков.

Мне кажется, что все вы тоже сошли с ума, но не от ужаса казней, вызванных чувством мести, как сошёл с ума этот несчастный матрос, нет, вы обезумели от злобы, от мелкой злобы честолюбивых людей, потерявших навсегда своё место в жизни.

Люди столь же самолюбивые, как и бездарные, вы так же самонадеянны, как и бессильны. Бессилие ваше – факт истории, факт неоспоримый, бессилию этому не помогли ни белые генералы, ни «интервенция». Вспомните, как легко генералы заставили вас служить их простейшим, явно бандит-

ским целям.

С той поры основным чувством, руководящим вами до сего дня, является только чувство личного оскорбления. Место этому чувству есть: вы действительно играли значительную роль в процессе развития русской культуры, вы были достаточно энергичными рядовыми работниками её. Но эта работа ещё не оправдывает вашего самомнения и не может оправдать вашей дикой злобы к тем людям, которые не побоялись взять власть и ныне правят Россией. Правят – хотя вы употребляете все усилия, чтоб не видеть успехов Советской власти и не верить в них.

Да, в России правят жестоко, но ведь это страна, где каждый околоточный чувствовал себя Иваном Грозным и каждый интеллигент – вершителем судеб мира. Константин Леонтьев и Нечаев родственны по духу, так же как Достоевский и Победоносцев, а это – очень русские люди.

Вам, призывавшим против русского народа «двенадцать языков», не следовало бы говорить о жестокости. Особенно теперь, когда вы совершенно обезумели от злости, как видно из вашего позорного отношения к работе и смерти Ленина, человека, имя которого навсегда останется гордостью России и всего мира, человека, о котором величайший идеалист наших дней, прекрасная душа, Ромэн Роллан сказал:

«Ленин – самый великий человек нашего века и самый бескорыстный».

Ленин на века останется в истории России, а вы, измучен-

ные бездельем, злобой и тоской, скоро ляжете в ваши могилы. И – пора сделать это, чтоб избежать возможности ещё раз переменить фронт и вехи. Ибо – хотя вы сегодня враждуете с большевиками, но – разве можно сказать, чьим лакеем будет завтра сегодняшней «порядочный» русский человек? Вы сами знаете, как легко и просто люди вашего стана переходят в стан ваших врагов. И, вероятно, вы не ошибаетесь, подозревая многих ваших друзей в своекорыстных мотивах их ренегатства.

Вы уже скоро уйдёте из мира, где никому, кроме вас, не нужна, да и для вас, вероятно, мучительна ваша гнилая злость. Большевики останутся. Отступая от цели своей и снова подвигаясь к ней, работая в атмосфере непонимания, клеветы, лжи, звериного воя и хрюканья, они всё-таки идут вперёд и поднимают за собой русское крестьянство. Дети ваши уйдут от вас к ним. Незаметно для себя вы учите детей понимать ваше бессилие и постепенно внушаете им презрение к отцам, моральным банкротам.

Но – представьте себе, что большевики ушли и вот перед вами свободный путь в Россию. Подумайте же остатком совести: что теперь могли бы вы принести с собой русскому народу? Ведь у вас ничего нет за душой, да уже нет и «народа», который вы всегда плохо знали и уже совершенно не знаете теперь. Лично я уверен, что вы только увеличили бы в России число – остаток – нищих духом и количество извращённо злых.

Вы совершенно напрасно говорите о любви к России, о гуманизме и прочем в этом духе. Продолжая – по привычке, механически – считать себя гуманистами, вы ещё помните, что, например, юдофобство – пакость, но о латыше и вообще об «иноплеменнике» вы говорите тоном антисемитов о евреях. Кто поверит вашему гуманизму, читая и чувствуя, с каким сладострастием отмечаете вы ошибки и неудачи России и как искренно огорчают вас успехи её?

Что бы вы ни говорили о большевиках, но ими взято на себя бремя воистину грандиозной тяжести, поставлена к разрешению задача нечеловечески трудная, ибо эта задача сводится к осуществлению всего, о чём мечтали мудрейшие и наиболее искренно человеколюбивые люди мира. Среди этих людей вам нет места. Ваша игра проиграна. Это была жестокая и кровавая игра. Повторяю: вы напрасно говорите о гуманизме. Ваша злость – собака слепого – сама обличает позорное уродство вашей нетерпимости.

Никто в Европе не жаловался на жизнь так громко, как русская интеллигенция. Вся она была прикована к различным тачкам на каторге капиталистической государственности, омертвевшей, гниющей, отравляющей людей. Учителя её, Гоголь, Достоевский, Толстой, справедливо утверждали, что жизнь отвратительна своею ложью, лицемерием, животностью, циническим эгоизмом.

Жизнь становится всё более отвратительна обнажённым

цинизмом своим. Человеку нечем дышать в атмосфере ненависти, злобы, мести. Атмосфера, всё сгущаясь, грозит разразиться последней бурей, которая разрушит и сметёт все культурные достижения человечества; против этой возможности работает только Россия. Союз Социалистических Советов идеологически организует трудящихся всей земли.

Выпутаться из цепкой паутины уродливых взаимоотношений классов, партий, групп – нельзя иначе, как разорвав всю паутину сразу.

Именно в России начато необходимейшее «дело нашего века», совершается попытка переместить жизнь с трёх китов – глупости, зависти, жадности – на основы разума, справедливости, красоты. Эта работа возбуждает искреннее внимание и симпатии всех честных людей мира, возбуждает мысль миллионов людей. У «бывших героев» эта работа явно будит только злобу. Я сказал – явно, потому что уверен: тайно они не чужды зависти к большевикам. Ведь вот живут люди, работают и будут жить и твёрдо уверены, что, кроме них, никакая иная власть в России невозможна.

Психология каторжников им совершенно чужда, фетишистическое отношение к цепям и тачкам государственности – чуждо. Они предерзко не считаются с «судьбами истории», хотя, на словах, будто бы и признают её законы. Но на деле они уверены, что:

«Не нам судьба – судья, а мы судьбе хозяева».

Эмигранты нередко упрекают большевиков в том что они

«искажают Маркса», не «по Марксу» живут. Это разумеется, не совсем так, но что – Маркс! Они ещё грешнее, они и «по Дарвину» жить не хотят, дерзновенно стремясь уничтожить борьбу за существование между людьми, чтоб перенести всю массу сил, поглощаемую этой, потерявшей смысл, борьбою, на борьбу человека с природой, ради подчинения её стихийных энергий разумным интересам человечества.

А зарубежные интеллигенты изнывают в тоске и безделье, быстро изживая остатки сил и сожалея, в сущности, об одном – о тех «милых сердцу вечерах», когда, идя за самоваром, они упражнялись в красноречии на тему о тирании самодержавия, о любви к народу и о неудобном устройстве вселенной в её целом.

И возможно, что если б сам Прометей, похитив ещё какой-то новый огонь, освещающий тайны жизни, явился к ним и помешал чай пить, – так они бы и Прометея прокляли.